

ВСТРЕЧА ПОД ЧАСАМИ О GROS-HORLOGE В РУАНЕ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

механизм башенных часов сообщал городу о себе с помощью двух колоколов. и каждый колокол имел свое имя

Башни-беффруа были такой же гордостью средневековых городов, как донжон замка был гордостью сеньора

В старые времена город Руан жил строго по часам. И не по каким-нибудь, а по Большим. Руанским часам Gros-Horloge, прославленным на весь часовой мир. Быть может, они и не самые старые, но зато они справедливо считаются лучше всего сохранившимися городскими часами Европы XIV века. К счастью, их пощадили бомбы союзников, которые долго и свирепо угрожили Руан в годы Второй мировой, повредив и Руанский собор, и столь же знаменитый Нормандский парламент, перестроенный из королевского дворца Франциска I. Тщательно сохраненные следы от осколков и снарядов — это памятник освобождению города, в котором была написана «Мадам Бовари» и в котором 30 мая 1431 года сожгли на костре Жанну д'Арк. Все это повидали часы Gros-Horloge.

Их циферблат находится над аркой, открывающей улицу Гро-Орлож, а на стоящей рядом башне-беффруа находятся колокола, которые с момента создания механизма отзванивали часы и четверти. В это время Руан был городом с привилегиями — ему было разрешено не только вести торговлю и управлять населением, но и построить башню с колоколами, так называемую beffroi (беффруа).

Башни-беффруа были такой же гордостью городов, как донжон замка был гордостью сеньора, а колокольня — гордостью епископа. Города мерялись между собой этими башнями, потому что чем богаче и сильнее был город, тем выше он поднимал свои колокола. Уже потом к башням стали добавлять башенные часы, которыми город мог хвастаться больше, чем нынешний фронт своим швейцарским турбийоном.

У Руана были и колокола, и часы. Колокола были голосом города, им доверялось говорить с населением, наставляя его на верный путь. На одном из колоколов, который сейчас можно видеть в музее, было написано: «Chaque fois que je sonne,.... J' avertis que l' on donne... Son esprit et son Cé ur... A Jesus, son sauveur» («Каждый раз мой удар... Завещает как дар... Душу с сердцем нести... Чтоб с Христом их спасти»).

Механизм Gros-Horloge сообщал Руану о себе с помощью двух городских колоколов. Каждый имел собственное имя. Первый звался Cache-Ribaud, или «Прячьтесь бродяги», потому что он звонил в девять часов, когда в городе закрывались двери и на ночную охоту выходили воры, второй — Rouvel, или «Серебряный колокол», ему было доверено звонить тревогу. Тревог было достаточно. Но XIV век, век сплошных несчастий для Франции, за который страна испытала Великий голод, Столетнюю войну и черную смерть — чуму, — оказался способен на такое механическое чудо, пережившее своих создателей.

Часы в Средние века давали людям, ими владеющим, господство над временем, возможность диктовать всему городу часы начала и конца работы, указывать, когда идти в церковь, когда ложиться в кровать, и даже, как видим, вводить тот «комендантский час», когда запирались не только ворота города, но и его улицы. Причем время с помощью колоколов сообщалось городу задолго до того, как городские часы обзавелись циферблатами. С самого начала горожане имели четвертной репетир, а потом, обзаведясь циферблатом, получили астрономические часы — с днями недели внизу круга и фазой Луны наверху в виде скульптуры, отливающей синевой и до странности похожей на стальные закаленные в масле маленькие планеты в наручных часах De Bethune.

Календарь был не простым, а аллегорическим — с соответствующими каждому дню многофигурными сценками. Например, воскресенье представлял Аполлон, державший лук и арфу. В пятницу к горожанам выходила обнаженная Венера с музыкантами и любовниками, намекающая честным буржуа, как следует провести этот вечер, чтобы испытывать в субботу угрызения совести, представленные Сатурном, пожирающим одного из своих детей. Часы были созданы между 1385-м и 1388-м. Сначала Руан запросил у королевского судьи разрешения их построить, потом поручил работу мастеру Журдену де Лектру. Он начинал часы, а закончил их Жан де Фелен, который стал их первым зрителем. С тех пор началась история 25 зрителей часов, с периодичностью 20–30 лет сменявших друг друга в руанской башне (последним был Морис Кайе, следивший за часами в 1941 году). Династии Асселинов, Дюмонов, Омонтов и Вомуссов имели здесь казенную квартиру из трех комнат и право торговать изделиями своих рук в пристроенной к башне двухэтажной лавке. В 1928 году было решено поставить в башне электрические часы, но и старинный механизм до сих пор находится во вполне рабочем состоянии.

Календарь был не простым, а аллегорическим: воскресенье представлял Аполлон, державший лук и арфу